

UNITED WISDOM

Спиноза: природа, необходимость и понимание

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-18-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Спиноза: природа, необходимость и понимание

Представьте условный вечер. Двое спорят из-за опоздания. Один требует: «Ты мог просто прийти вовремя». Другой отвечает: «Так сложились обстоятельства». Первая фраза будто делает человека единственным источником события. Вторая будто выносит его за пределы происходившего. Но он и участвовал в ситуации, и зависел от того, чего не определял: чужих решений, дороги, собственной подготовки, полученной информации.

Можно ли объяснить действие через причины, не превращая объяснение в оправдание? И можно ли обсуждать ответственность, не делая вид, будто человек каждый раз начинает мир заново одной силой воли? Это напряжение помогает приблизиться к Спинозе — философу, для которого человеческая жизнь принадлежит природе и потому требует понимания, а не только оценки.

О чём эта статья

Мы рассмотрим небольшой каркас спинозовской мысли: единую субстанцию, необходимость, различие действия и пассивности, значение понимания. Затем разовьём собственные современные вопросы о причинах, условиях поступка и возможностях изменения. Наши сцены не являются эмпирическими исследованиями, а практические предложения не приписываются Спинозе. Его система строит философский аргумент; она не доказана современными данными только потому, что пользуется словом «природа». Главное здесь — не обещание полного спокойствия, а трудное различение: причинная обусловленность поступка не тождественна его приемлемости, а признание условий не обязательно уничтожает участие человека. Статья сохраняет возможность не согласиться с метафизикой Спинозы и всё же исследовать, что меняется, когда вместо общего осуждения мы пытаемся увидеть конкретную последовательность.

1. Природа шире декорации вокруг человека

В «Этике» субстанция определяется как существующее в себе и мыслимое через себя, модус — как состояние другого. Спиноза доказывает единственность субстанции и помещает всё существующее в Бога; Бог выступает имманентной причиной, а не внешним изготовителем мира. Спиноза, «Этика», I, определения 3,5; положения 14–18. Здесь «природа» не означает только лес, погоду и приятную прогулку.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Для нашего современного прочтения полезно начать с условной фотографии человека за рабочим столом. Если описание ограничено тем, что он хочет сделать, многое исчезает: устройство помещения, распределение обязанностей, доступ к сведениям, инструменты, договорённости. Если описание ограничено этими условиями, исчезает его собственное участие: как он понял задачу, что заметил, что сделал и чего не сделал.

Мы предлагаем рассматривать человека внутри ситуации, сохраняя оба слоя. Это не доказательство единой субстанции. Это самостоятельный способ поставить практический вопрос. Например, срыв срока может зависеть и от неясного запроса, и от того, что исполнитель не уточнил неясность. Две причины не обязаны отменять друг друга.

Слово «природа» также не должно подменять объяснение. Фраза «так устроена природа человека» часто лишь повторяет событие в более торжественной форме. Если условный участник перебил другого, мы пока знаем, что он перебил. Мы не знаем автоматически универсального закона, его намерения или неизменного свойства личности. Содержательное объяснение должно добавить различие, которое можно проверить или хотя бы ясно обсуждать.

Вместо общего вопроса «почему люди такие?» можно спросить, что именно происходило в этом разговоре: был ли назван предмет спора, кто имел возможность закончить фразу, какие последствия имело перебивание. Так природа перестаёт быть декорацией или оправдательным словом и становится приглашением исследовать связь условий.

Это приглашение не требует вычеркнуть ценности. Мы по-прежнему можем считать перебивание несправедливым. Но оценка и объяснение получают собственные задачи и перестают конкурировать за право описать одно событие целиком.

2. Необходимость и неизвестное будущее

В I.29 «Этики» утверждается необходимость происходящего; в I.33 различаются необходимость и наше неполное знание причин. Это сильная метафизическая позиция, а не только рекомендация учитывать обстоятельства. Спиноза, «Этика», I.29, I.33, схолия1. Академический комментарий отдельно поясняет различие причинной необходимости и внешнего принуждения в спинозовском понимании свободы. Steven Nadler, «Baruch Spinoza», §2.1.

Наша условная сцена позволяет различить два утверждения: «всё имело причины» и «я знаю, что произойдёт». Второе не следует из первого. Даже если принять наличие определённой связи причин, участник ситуации может не располагать сведениями о ней. Уверенное предсказание требует собственной опоры.

Представим поездку. Человек знает время встречи, но не знает, возникнет ли препятствие в пути. Это отсутствие знания нельзя отменить словом «необходимость». Он может проверить маршрут, оставить время или предупредить о задержке. Каждое действие тоже войдёт в последовательность событий. Признание обусловленности не делает подготовку бессмысленной: подготовка сама меняет ситуацию, насколько ей это доступно.

Здесь часто возникает фаталистический вывод: «Если результат определён, зачем что-либо делать?» В нашем прочтении он скрыто разрывает действие и результат. Результат мыслится заданным независимо от участия, хотя именно связь участия с результатом требуется исследовать. В условном случае предупреждение не устраняет задержку, но может изменить последствия задержки для другого человека.

Можно не разделять спинозовскую метафизику и всё же заметить логическую неточность такой капитуляции. Если планировать — одно из условий результата, нельзя сначала убрать планирование из картины, а потом объявить его ненужным. Обратная ошибка тоже возможна: нельзя предполагать, что наличие плана гарантирует результат при любых обстоятельствах.

Таким образом, необходимость и неопределённость относятся к разным вопросам. Первая говорит об устройстве происходящего в философской системе. Вторая — о границах доступных нам сведений. Практическое решение принимается именно в этом неполном знании и должно учитывать его, а не скрывать за окончательным словом о судьбе.

3. Понимать причины — не значит соглашаться с поступком

Объяснение события не выдаёт ему морального разрешения. Это наша редакционная позиция и ключ к бытовому прочтению темы. Если мы узнаём, что человек нарушил договорённость из-за недостатка времени, причина помогает понять ход событий. Она не отвечает сама по себе, кто понёс ущерб, что теперь необходимо исправить и можно ли дальше строить работу на прежних условиях.

Представим совместный проект. Один участник выполняет обещанное позже срока и объясняет задержку перегрузкой. Другой отвечает: «Мне не нужны причины». Его позиция понятна: он опасается, что рассказ о причинах станет способом уйти от последствия. Но без причин трудно различить, что стоит менять: срок, объём, способ предупреждения, распределение работы или саму договорённость.

Возможно удержать три отдельных вопроса. Что привело к задержке? Какое обязательство оказалось нарушено? Какой следующий порядок способен учесть обоих

участников? Первый требует сведений. Второй — ясности договорённостей. Третий — выбора и нового согласия. Ни один не отменяет остальные.

Объяснение не обязано быть добрым. Оно может обнаружить, что человек понимал риск и предпочёл не сообщать о нём. Тогда уточнение причин усилит оценку нарушения, а не ослабит её. С другой стороны, оно может показать несовместимые задания или отсутствие необходимого доступа. Тогда требование «просто старайся сильнее» останется без адреса.

Отдельно стоит заметить риск насильственного понимания. Иногда один человек объявляет другому его причины: «Я знаю, почему ты так сделал». Если собственный рассказ второго не рассматривается, причинный язык превращается в способ лишить его голоса. Система объяснения становится удобнее живой ситуации и перестаёт проверяться ею.

Поэтому в нашем применении причинный вопрос сопровождается правом поправки. Можно предложить гипотезу, назвать основание, услышать несогласие и оставить часть неизвестной. Это не уступка точности. Это условие точности там, где мы обсуждаем чужое действие и не располагаем полным наблюдением.

Представим также, что участник сам не способен дать стройное объяснение. Он сообщает несколько несовместимых версий или говорит, что не знает. Было бы ошибкой считать это разрешением придумать причину за него. Неизвестность может сохраняться, тогда как наблюдаемые последствия вполне ясны. Для пересмотра срока не обязательно установить окончательный мотив прошлого решения; достаточно увидеть, что прежняя договорённость не была выполнена и что нужно для следующей.

Так появляется возможность разговора без принудительной исповеди. Один человек вправе спрашивать о фактах, относящихся к общему обязательству. Другой не обязан предъявлять окончательную теорию своей внутренней жизни. Точность совместной работы иногда требует меньше личного раскрытия, чем предполагает спор о «настоящих причинах». Это наша этическая граница применения, а не вывод, приписанный историческому тексту.

Понимание полезно, когда делает последствия и возможности различимее. Если оно лишь переименовывает любой поступок в неизбежный и потому приемлемый, оно перестаёт объяснять практически значимые различия.

4. Между действием и пассивностью

Спинозовское различение связано с причиной: мы действуем, когда являемся адекватной причиной происходящего, и испытываем действие, когда мы лишь частичная причина. Аффект связывается с изменением способности тела действовать и идеей этого изменения. Спиноза, «Этика», III, определения 1–3. Термин «пассивность» здесь шире бытовой неподвижности.

Для современной иллюстрации представим человека, который отвечает на каждое входящее сообщение немедленно. Внешне он чрезвычайно активен. Но если цель дня исчезла за потоком чужих запросов, количество движений ещё не говорит, насколько его действия связаны с собственным пониманием задачи. Это наш пример, не перевод спинозовского критерия в измеримый показатель.

Обратная сцена: участник разговора берёт паузу и уточняет, что именно предлагается. Внешне он делает меньше. Но пауза может быть частью содержательного решения. Она также может оказаться способом уклониться; по одной форме поведения этого не установить. Значение действия зависит от его места в последовательности.

Такой пример позволяет поставить вопрос без морального клейма: чем сейчас определяется мой ответ? Понятной целью, договорённостью, страхом пропустить возможность, требованием другого, отсутствием подходящей альтернативы? Несколько причин способны участвовать одновременно. Не требуется выбрать одну и объявить её «истинной» только ради аккуратной схемы.

Важно не превращать идеал большей активности в обязанность контролировать всё. Человек не располагает всеми условиями, а собственное понимание тоже ограничено. Можно осознанно принять предложение другого, потому что доверие и сотрудничество имеют значение. Влияние извне не автоматически означает унижение или ошибку.

В нашей интерпретации более содержательная автономия начинается не с удаления связей, а с различения того, как они работают. Где я действительно соглашаюсь? Где мне не сообщили существенные условия? Где отказ возможен? Где ограничение реально и его нельзя снять одной новой мыслью?

Ответы могут неприятно сузить выбор. Но реальная небольшая возможность отличается от воображаемой безграничной. Уточнить срок, ограничить объём или попросить недостающую информацию иногда доступнее, чем объявить себя полностью независимым от мира и затем столкнуться с теми же обстоятельствами.

5. Сила действия и власть над другими

Выражение «способность действовать» легко прочитать как право добиваться своего любой ценой. Мы предлагаем другой современный вопрос: что именно становится возможным и для кого? Условный человек может получить больше контроля над разговором, перебивая других, но это ещё не означает, что совместная работа стала более разумной или жизнеспособной.

Академический разбор спинозовской этики связывает адекватное понимание, человеческое благо и отношения с другими; он также показывает, что освобождение от пассивных аффектов не равняется устранению всякого внешнего влияния. Nadler, §§2.4–2.5. Мы не выводим отсюда готовую модель отношений. Возникает лишь основание не смешивать философскую силу с бытовым господством.

Представим распределение работы в маленькой команде. Руководитель решает всё сам и получает быстрый результат. Если задача разовая, это может быть удобным. Если остальные перестают понимать условия и не могут продолжить без него, ближайший успех соседствует с новой зависимостью. Для оценки потребуется временной масштаб: что произошло сегодня и что станет доступным завтра?

С другой стороны, любое распределение не обязано быть равным. Разные знания и обязанности могут оправдывать разные полномочия. Проблема начинается не с различия ролей, а с того, что его причины, пределы и последствия становятся недоступны для обсуждения. Человек получает обязанность без сведений или ответственность без возможности влиять.

В нашем прочтении участие имеет несколько измерений: понимать задачу, располагать необходимыми средствами, иметь право уточнения, знать последствия собственного согласия. Недостаток одного измерения нельзя автоматически исправить усилением другого. Дополнительная мотивация не создаёт отсутствующий доступ, а новый инструмент не решает вопрос о согласии.

Поэтому вопрос о большей способности действовать можно направить к устройству ситуации. Какие сведения нужны? Как распределены последствия ошибки? Может ли участник отказаться от нового объёма? Что зависит от общего изменения условий, а не от усилия одного человека?

Такое чтение не обещает гармонии. Интересы способны расходиться. Но оно позволяет обсуждать разногласие точнее, чем спор между «сильным» и «слабым» человеком. Иногда сила заключается в установлении границы, иногда — в сотрудничестве, иногда — в признании, что прежний порядок не поддерживает выбранную цель.

6. Почему понимание не выключает переживание

Знание причины и изменение переживания не обязаны происходить одновременно. В IV.1 «Этики» Спиноза рассматривает сохранение образа после получения истинного знания; IV.3–4 подчёркивают ограниченность человеческой силы перед внешними причинами. Спиноза, «Этика», IV.1, схолия; IV.3–4. Наше применение этого различия не является обещанием эмоционального результата.

В условной сцене человек знает, что короткий ответ был написан в дороге. Он перестал считать его доказательством пренебрежения, но напряжение сразу не исчезло. Это само по себе не означает, что объяснение бесполезно или что человек «недостаточно понял». Утверждение о мотиве и текущая реакция — разные стороны ситуации.

Вместо требования немедленно успокоиться можно посмотреть, что фактически изменилось. Стала ли доступна другая версия? Отказались ли мы от ненужного обвинения? Уточнено ли ожидание на будущее? Возможно, переживание осталось, но действие стало менее поспешным. В этом условном случае уже произошло конкретное изменение, без необходимости объявлять его завершённой внутренней трансформацией.

Есть и другой вариант: объяснение причин увеличивает тяжесть. Человек выясняет, что отказ был обдуманным. Тогда «понимание» не должно означать принудительного облегчения. Новые сведения могут потребовать пересмотра договорённости, переживания потери или отказа от прежнего ожидания. Философский язык не должен заранее устанавливать, какой эмоциональный итог считается правильным.

Здесь полезно различать объяснение, оправдание, принятие факта и выбор действия. Понять, почему произошло событие, можно без согласия повторять его. Признать, что событие уже произошло, можно без признания его справедливым. Выбрать границу можно без полной ясности всех причин.

Это наши современные различения. Их смысл — не ослабить спинозовское требование понимания, а не превратить его в ещё одно обвинение: «Если бы ты был разумнее, ты бы не чувствовал этого». Такая фраза одновременно делает спорное утверждение о человеке и мешает выяснить, что именно он испытывает.

Понимание приобретает уважительную форму, когда позволяет заметить изменения и оставшиеся ограничения. Оно может расширить следующий выбор, но не обязано выполнять роль выключателя человеческого опыта.

7. Где система остаётся спорной

Нельзя подменять спор о необходимости ссылкой на обычную причинность. Из того, что некоторые события имеют известные причины, не следует, что вся спинозовская метафизика доказана. Принять один объяснительный принцип — не значит принять все положения системы, её понимание Бога и её идеал свободы.

Наше первое возражение поэтому направлено против слишком быстрого современного согласия: «Сегодня наука говорит то же самое». Без конкретного исследования и точного тезиса эта фраза ничего не устанавливает. Философский вопрос о необходимости мира и исследование определённого процесса имеют разный масштаб. В этой статье нет эмпирических данных, подтверждающих систему целиком.

Второе возражение касается ответственности. Если человека следует понимать через причины, остаётся ли место изменению? Наше современное обсуждение показывает логическую возможность такого места: новая информация, договорённость и последствия тоже могут войти в причинную картину. Но это ещё не полный ответ на все моральные вопросы. Кто вправе оценивать, какие последствия справедливы и где проходит граница принуждения — самостоятельные темы.

Третье возражение связано с доступом к пониманию. Не окажется ли человек с меньшим временем и меньшими ресурсами автоматически «менее свободным» и затем ещё обвинённым в этом? Такой риск возникает при неосторожном практическом переносе. Поэтому наша статья рассматривает ограничения как часть ситуации, а не как личную вину за отсутствие идеального знания.

Наконец, есть соблазн совместить Спинозу со всяким учением, где говорится о единстве. Само слово не даёт такого права. Единая субстанция, причинная необходимость и определённое понятие адекватной идеи составляют конкретную систему. Сходство общей интонации с другой традицией не устанавливает совпадение аргументов, целей и понимания человека.

Для этой темы мы сознательно не строим парад согласных голосов. Различие иногда содержательнее сходства. Читатель вправе отвергнуть тезис о единой субстанции и всё же заинтересоваться вопросом, почему привычная оценка поступка так редко делает видимой последовательность его возникновения.

Можно возразить и против самого объёма объяснения: разве подробная карта не превращает простую ошибку в слишком большой проект? Иногда превращает. Для малой задержки достаточно поправить время и продолжить. Подробный разбор нужен тогда, когда повторение, последствия или различие пониманий делают его полезным. Мы не предлагаем анализировать каждое движение до предельной причины.

Мера понимания соотносится с задачей. Если нужно вернуть человеку забытый предмет, не требуется выяснять весь порядок природы. Если совместная работа снова и снова срывается при одних условиях, стоит посмотреть глубже. Но и тогда проверяемое небольшое различие предпочтительнее законченной истории, которую нельзя ни уточнить, ни опровергнуть. Философский масштаб способен расширить вопрос; он не обязан расширять повседневную проверку до бесконечности.

Несогласие не прекращает разговор, если его предмет назван. Можно спорить с необходимостью, признавая пределы знания; с идеалом свободы, продолжая различать объяснение и оправдание; с системой целиком, сохраняя точность при её чтении.

8. Что это значит на практике

Если вам полезен причинный взгляд, выберите один небольшой повторяющийся эпизод, который хочется понять. Например, условный разговор о сроке всякий раз заканчивается спором. Не надо заранее называть его «вашим паттерном», устанавливать диагноз или искать единственную глубинную причину. Достаточно восстановить одну последовательность.

Что было известно до разговора? Какое сообщение прозвучало? Что участники могли уточнить? Какой ответ последовал? Что стало доступно или недоступно после него? Если сведения основаны на вашем воспоминании, они остаются вашим рассказом. Это допустимая опора для размышления, но не независимая запись всех намерений другого человека.

Затем можно отделить условия, на которые вы способны повлиять, от тех, которые пока приходится учитывать. Это не универсальное разделение мира на контролируемое и неконтролируемое. Влияние часто частичное. Можно изменить время собственного сообщения, но нельзя гарантировать ответ. Можно попросить ясную задачу, но другой вправе не согласиться с вашей формой работы.

Если обнаружилась небольшая доступная развилка, допустим добровольный эксперимент. Например, до обсуждения срока уточнить объём и условие предупреждения о задержке. Цель эксперимента — посмотреть, изменится ли конкретный ход работы. Его результат не доказывает всю философскую систему и не определяет сущность участников.

Полезно заранее указать наблюдение: стало ли яснее, что обещано; пришло ли предупреждение; что произошло при препятствии. Если результат иной, это новые сведения, а не обязательное доказательство вашей недостаточной разумности. Возможно, выбранная причина была неполной, действие — недостаточным или условия — существенно другими.

При серьёзном нарушении границ не требуется сначала понять человека до конца. Решение может опираться на факт поведения и его последствия. Наш вопрос о причинах не отменяет права остановить разговор, отказаться от нового обязательства или изменить участие.

Так практическое понимание получает скромную меру: оно помогает заметить один переход и выбрать одно действие. В нём нет обязанности достичь состояния, где внешние обстоятельства больше никогда не затрагивают человека.

9. Обусловленность как начало разговора

В исходной сцене два ответа были слишком велики. «Ты мог просто прийти вовремя» ничего не сказал о препятствии. «Так сложились обстоятельства» ничего не сказал об участии. Возможно, после уточнения выяснится, что задержка была непредвиденной, но предупредить было доступно. Возможно, срок изначально был невыполним. Возможно, договорённость понималась по-разному.

Каждый исход меняет следующий разговор. В одном случае важен способ предупреждения, в другом — пересмотр условий, в третьем — ясная фиксация согласия. Это не универсальный путь к примирению. Иногда после ясного разбора участники решат не продолжать совместную работу. Понимание не обязано сохранять любую связь.

Главное — причинный вопрос больше не служит автоматическим оправданием. Он показывает, что именно стоит обсуждать и изменять. Ответственность тоже становится конкретнее: за какое обещание, при каких сведениях, с какими доступными действиями и последствиями? Такое уточнение способно быть строже общего осуждения, поскольку не прячется за оценкой личности.

Спинозовское приглашение рассматривать человека внутри природы остаётся радикальным философским предложением. Оно требует больше, чем обычного признания обстоятельств. Мы сохранили эту дистанцию, чтобы современное прочтение не подменяло оригинальный аргумент и не присваивало ему результаты, которых здесь не проверяли.

Для читателя остаётся добровольная возможность: иногда заменить вопрос «что с этим человеком не так?» вопросом «какая последовательность привела к этому и что она оставляет доступным сейчас?». Ответ может быть неполным. Он может не дать спокойствия. Но он способен сделать ситуацию менее туманной.

Мы принадлежим происходящему и действуем внутри него. Признать это — ещё не согласиться со всем происходящим. В нашем прочтении именно здесь возникает

пространство понимания: видеть связи, сохранять оценку последствий и искать участие там, где оно действительно возможно.

Источники

1. Benedict de Spinoza. *Ethics*, перевод R. H. M. Elwes: I, определения 3,5; I.14–18,29,33; III, определения 1–3; IV.1,3–4. Project Gutenberg.

2. Steven Nadler. *Baruch Spinoza*: §§2.1,2.4–2.5, система причинности, действие, аффекты и понимание. Stanford Encyclopedia of Philosophy.